

Смоленской области России, в деревне Чемуты. Имя было установлено по нательному медальону [5].

Результаты и их обсуждение. Основные теоретические выводы, полученные в результате дальнейших исследований по данной проблематике, должны и могут использоваться для расширения предметного поля изучения аспектов духовности, патриотизма культуры, разработки концептуальных и теоретико-методологических основ государственности и идентификационных процессов в России и Беларуси. Они могут быть полезны в научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности и представлять интерес для специалистов различных областей социо-гуманитарного знания, занимающихся исследованием идентификационных процессов в наших странах. Полученные выводы могут использоваться в учебном процессе и служить теоретико-методологической основой при разработке и чтении учебных курсов по проблемам социокультурной самоидентификации граждан наших государств. Поднятые проблемы могут представлять интерес для средств массовой информации, формирующих общественное мнение.

Заключение. Изучение аспектов формирования духовности, патриотизма, позволяет автору утверждать, что эти проблемы в наших странах всегда рассматривались как необходимые условия укрепления государственности наших стран. В современных исторических условиях, проводимая работа даст положительные результаты только в том случае, если к ней будут участвовать все структуры общества: школа, вуз, семья, трудовые коллективы и общественные организации. При этом обязательным условием этой деятельности остаётся целевая поддержка этой работы государственными органами власти как в России, так и в Беларуси.

1. Нижников А.С. Проблема духовного в западной и восточной культуре. М., 1994.
2. Соловьев Я.А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. – М., 1855.
3. Великая Отечественная война Советского союза. Воениздат. – М., 1965.
4. Интервью губернатора Смоленской области «Время и мы» // Ориентир, – 2007. 7 августа.
5. URL: <http://www.molodezh67.ru>(дата обращения 11.04. 2011).

МИФ О БЕЛОРУССКОЙ РОДОСЛОВНОЙ К.С. МАЛЕВИЧА

*А.Г. Лисов
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

В последние десятилетия в белорусской периодической печати с завидным постоянством поднимается проблема о белорусской родословной крупнейшего представителя русского авангардного искусства художника К.С. Малевича. Не смотря на то, что в России изданы, казалось бы, исчерпывающие труды, проливающие свет на этот вопрос [1], проблема у нас оказывается вовсе не закрытой и напоминает о себе. Целью настоящей работы является анализ аргументации публикаций в белорусских периодических изданиях, авторы которых настоятельно пытаются доказать белорусское происхождение художника.

Материалом для анализа были статьи Р. Припойского (псевдоним), Е. Шунейки, В. Конона, А. Мальдиса, опубликованные в газетно-журнальных изданиях Беларуси, начиная с конца 1970-х гг.

В рассуждениях о белорусских корнях Малевича современные авторы традиционно опираются на опыт выдающегося краеведа, этнографа, языковеда 1920-х годов Н.И. Касперовича, собиравшего биографические сведения о художнике в совершенно другой исторической ситуации. Белорусскоязычные публикации Касперовича, как, впрочем, и многих других местных авторов, остались неизвестны или мало известны современным российским и русскоязычным исследователям творчества Казимира Малевича. Н.И. Касперович оказался среди тех белорусских авторов, которые обращались к имени Малевича в историко-краеведческом контексте. Он не был очевидцем событий бурной художественной жизни города Витебска, в которых художник принимал активное участие в период с 1919 по 1922 г., очевидно, он опирался на сведения ряда художников-приверженцев и свидетелей бурной деятельности супрематиста – И.Т. Гавриса, И.П. Фурмана. Его волновало, в какой мере Казимир Малевич и его деятельность соотнобразуются с национально-культурным контекстом. В 1924-1926 гг. Касперович предпринял попытку создания биографического словаря деятелей литературы и искусства, связанных с городом Витебском. Но работа так и не была завершена, а материалы к ней увидели свет в виде журнальной статьи [2]. В ней ученый использовал не только самостоятельно собранные материалы, но и сведения, предоставленные другими лицами.

В словаре имеется статья о Казимире Севериновиче Малевиче. Подпись под ней свидетельствует о том, что информатором Касперовича в этом случае явился И.П. Фурман, который сотрудничал в художественной секции Витебского общества краеведения в 1920-е гг. Фурман был знатоком графического искусства, автором ряда книг о витебских художниках. Вне зависимости от того, какая часть сведений о Малевиче была сообщена Касперовичу Фурманом, с высоты сегодняшних знаний о главе супрематизма, подкрепленных документально, можно утверждать, что статья изобилует ошибками, неточностями и откровенными противоречиями. Так, по поводу раннего периода биографии сообщается, что он окончил Московское художественное училище, в которое, как известно, Малевичу не удалось даже поступить.

Совершенно интригующей выглядит информация, источник которой установить сегодня уже, по-видимому, не удастся. В статье сказано, что Малевич «по преданию происходит из деревни Малеево *Минской или Витебской губернии* /выделено мной – А.Л./». Это сообщение в соотнесении с сегодняшними сведениями о происхождении художника выглядит как настоящий миф. И все же информация Н.И. Касперовича преподносится как аргумент-доказательство. Подчеркнем, что Касперович с Малевичем знаком не был и в Витебск приехал уже после отъезда Малевича с учениками.

Из тех, кто в последние десятилетия обратился к авторитету Касперовича, стал автор статьи «Художник-реформатор и провидец» в белорусско-язычной газете «Голас Радзімы», скрывшийся под псевдонимом «Р. Припойский» [5]. Газета издавалась в советское время для белорусов зарубежья, поэтому в ней пресс цензуры был несколько ослаблен. И все же стремление скрыться за псевдонимом вполне понятно. Ссылка на репрессированного ученого, каковым был Касперович, в статье о совсем «несоветском» художнике-авангардисте могла повлечь и неприятности.

В перестроечном 1989-м году рассуждения о белорускости Малевича оказались как нельзя кстати. Новое прочтение истории только приветствовалось, да и большой персональной выставкой в Русском музее в Ленинграде началось возвращение художника в советское искусство. О белорусской родословной и, более

того, прямой связи отца Казимира Севериновича с Беларусью написал Евгений Шунейка [6]. Он обнаружил у художника даже белорусский акцент, правда, на Н.И. Касперовича, как на источник, не ссылаясь, зато ссылается на упомянутую статью из газеты «Голас Радзімы» [5].

Спустя почти десять лет в условиях суверенной Беларуси к теме обращается В.М. Конон. Он стремится привязать идеи Малевича к современному белорусскому искусству, с помощью «новых открытий» отстоять его якобы белорусскую родословную. В журнале «Мастацтва», в большом материале с продолжениями, который называется «Образ Казимира Малевича: факты и мифы» о намерен все расставить на свои места в искаженной биографии художника и дать верную, по его мнению, оценку «белорусскому» гению [3]. Возможно, следовало бы говорить специально о том, чего в этой статье больше фактов или мифов. Однако то, что В.М. Конон в не меньшей мере способствует мифотворчеству, нежели те, кого он подвергает критике, является бесспорным.

В 2004 г. публикация двухтомника «Малевич о себе. Современники о Малевиче», казалось бы, должна была закрыть вопрос о генеалогии художника, но белорусского читателя ожидала новая сенсация, с которой выступил известный белорусский филолог, историк литературы А.О. Мальдис. Он ссылается в свою очередь на сенсационную публикацию в «Краязнаўчай газеце» (2007, №2,3) свидетельства «белорусского физика и дипломата» Игоря Малевича, который утверждает свое родство с великим художником, опираясь на семейное предание.

Как видно, в белорусских публикациях о художнике К.С. Малевиче идея его белорусскости проводится с определенной периодичностью. Авторами подобных публикаций выступали не только журналисты, но и авторитетные ученые. Аргументацию в пользу высказанной идеи о происхождении художника отнести к научной едва ли возможно. Не обсуждая того, сколь правдоподобна эта идея, следует заметить, что она высказывалась в меняющихся общественных условиях страны и сохраняла свою привлекательность для тех, кому аргументация вовсе не нужна. Идея белорусской родословной К.С. Малевича заслуживает названия мифа, что не исключает признания той большой роли, которую художник сыграл в становлении художественной школы в Витебске и в Беларуси.

1. Для этого достаточно упомянуть хотя бы капитальное издание, в котором опубликованы результаты генеалогических изысканий украинского историка С.П. Папеты. См.: Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика. В 2 томах. // авт.-сост. И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. – М.: “РА”, 2004. –Т.1. – С. 372-385.
2. *Каспяровіч М.І.* Матар’ялы для вывучэння віцебскай краёвай літаратуры і мастацтва // Маладняк, 1927, №6, с.61 – 77.
3. *Конан У.* Вобраз Казіміра Малевіча: факты і міфы //Мастацтва, 1998, №12, с. 2-5; *Он же.* Казімір Малевіч: філасофія і эстэтыка мадэрнізму // Мастацтва, 1999, №1, с.2 – 4; №2, с.2 – 4; №3, с.2 – 3; №4/5, с.2 – 5.
4. *Мальдзіс, Адам.* Казімір Малевіч нарэшце атрымаў беларускую “прапіску” // Голас Радзімы. – 2007. – 19 ліпеня. – №27.
5. *Прыпойскі, Р.* Мастак-рэфарматар і празорца //Голас Радзімы, 1978, 30 сакавіка, с.7.
6. *Шунейка, Яўген* Супрэмум, або Творца беспрадметнага мастацтва //Мастацтва Беларусі, 1989, №2, с.53 – 59.